

Александр Восьмой

**Роман Диагноз:
невозможно забыть**

18+

Александр Восьмой

**Роман Диагноз:
невозможно забыть**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Роман Диагноз: невозможно забыть / А. Восьмой — «Автор»,
2026

Диагноз: невозможно забыть. Для Ирины Лёха — пациент с «необъяснимыми симптомами»: он не болеет, но сердце бьётся чаще, когда он рядом. Его флирт — как лекарство, которое нельзя выписать по рецепту, но без которого становится хуже. В больничных стенах, где чувства принято прятать, их история звучит громче сирен.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Роман Диагноз: невозможно забыть

Глава 1. «Первый вызов: пульс вне протокола»

Смена началась как обычно — с тяжёлого запаха антисептика, с мерного гула аппаратуры, с той самой тишины, которая в больнице никогда не бывает по-настоящему тихой. Она всегда наполнена чем-то: шёпотом коридоров, скрипом колёс каталки, далёким голосом диспетчера. Ирина поправила белый халат, привычно проверила бейдж и мысленно расставила приоритеты: срочные, плановые, рутина. Всё по протоколу. Всё под контролем.

И тут дверь приёмного отделения распахнулась, будто вместе с ней выпустили немного уличного ветра, немного хаоса — и слишком много жизни.

— У меня, кажется, редкий случай, — заявил парень, вваливаясь в отделение с такой непринуждённой улыбкой, словно пришёл не в больницу, а в кафе на углу. — Симптомы странные. Сердце бьётся. Дышу. Но при этом чувствую себя подозрительно хорошо.

Ирина подняла взгляд. И тут же пожалела об этом. Потому что сердце, которое до этого работало ровно, как часы в ординаторской, вдруг дало сбой. Один удар — слишком громкий. Второй — слишком быстрый.

Это был Лёха.

Он стоял, слегка наклонив голову, будто изучал её, как редкий экспонат, и в его глазах плясали искры, которым здесь, среди стерильных стен и строгих правил, точно не было места.

— Вы к кому? — спросила Ирина, стараясь, чтобы голос звучал ровно, профессионально, как в учебнике. Получилось чуть резче, чем хотелось.

— К вам, — без тени смущения ответил он. — Ну, или к тому, кто тут главный по сердцебиению. У меня с ним какие-то непонятные отношения. То ли оно меня не слушается, то ли я его.

Она нахмурилась, но уголок губ предательски дёрнулся.

— Если вы здоровы, вам не сюда.

— А если я болен тем, что слишком много думаю о жизни? Это лечится?

Ирина вздохнула, открыла карточку, начала заполнять графы. Фамилия. Имя. Дата рождения. А сама ловила себя на том, что смотрит не на бумагу, а на то, как он стоит: свободно, будто весь этот порядок его не касается. Как будто он — исключение из всех правил.

— Что беспокоит конкретно? — спросила она, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Беспокоит, что мир слишком серьёзный. И что вы сейчас пытаетесь сделать вид, что я для вас просто ещё один случай в журнале.

Ирина резко подняла глаза.

— Я делаю свою работу.

— Ага. И делаете её так, будто от этого зависит судьба вселенной. Это впечатляет. И немного пугает.

Она хотела ответить строго, выдать какую-нибудь дежурную фразу, но вместо этого вдруг спросила:

— Зачем вы пришли?

Лёха на секунду замер, будто сам удивился, что задал этот вопрос вслух. А потом пожал плечами:

— Честно? Не знаю. Просто увидел, как вы шли по коридору, и подумал: если уж где-то и искать ответы, то у того, кто знает, как всё устроено. Даже если это просто давление и температура.

В этот момент по громкой связи объявили срочный вызов. Коридор ожил: забежали медсёстры, загремели тележки, кто-то крикнул: «Третья палата!»

Ирина встала, собираясь уйти, но Лёха тихо добавил:

— Подождите. Можно я просто посижу тут, пока вы будете спасать мир? Мне от этого как-то спокойнее.

Она остановилась. На секунду. Только на секунду. И в этой секунде уместилось слишком многое: раздражение, любопытство, странное тепло, которое никак не вписывалось в больничный климат-контроль.

— Сидите, — буркнула она. — Но не мешайте.

— Обещаю. Буду тихим, как тень. Ну, почти.

Когда она вернулась через двадцать минут, он действительно сидел. Но в руках у него был стаканчик кофе — один из тех, что стояли в зоне ожидания. И рядом лежал маленький бумажный журавлик, сложенный из обрывка бланка.

— Это вам, — сказал он, протягивая журавлика. — На удачу. Или на случай, если вдруг понадобится что-то, что не прописано в протоколе.

Ирина взяла его. Пальцы на мгновение коснулись его руки — и снова этот пульс, снова этот сбой. Она хотела что-то сказать, что-то строгое, правильное, но вместо этого просто кивнула.

К концу смены она поняла одну вещь: она не запомнила ни одного его симптома. Ни давления, ни пульса, ни температуры. Зато в памяти отпечаталось всё остальное: его голос, его улыбка, этот нелепый журавлик в кармане халата.

И когда он уходил, обернувшись у самой двери и подмигнув ей, она поймала себя на мысли, что уже ждёт следующей смены. Не ради работы. Ради того, чтобы снова услышать это: «У меня опять странные симптомы. Сердце бьётся чаще, когда вы рядом».

И самое страшное — и самое прекрасное — было в том, что теперь она знала: это не ошибка. Это диагноз. И он не лечится.

Глава 2. «Температура по шкале флирта»

Вторая смена начиналась ровно так же, как и первая: с того самого запаха антисептика, который въедается в ткань халата и остаётся с тобой даже после душа. С гула аппаратуры, с этой обманчивой тишины, в которой каждый шорох звучит как сигнал тревоги. Ирина вошла в приёмное отделение, привычно расправила плечи и сказала себе: «Сегодня всё будет по протоколу. Никаких сбоев».

Но протокол, как выяснилось, не учитывал одного: Лёху.

Он появился ближе к обеду — не врывался, не распахивал двери с театральным грохотом, а просто возник в проёме, будто всегда там стоял, просто раньше она его не замечала. На нём была та же лёгкая куртка, чуть небрежно накинутая, и эта его улыбка — не широкая, не наглая, а такая, что сразу хочется либо строго нахмуриться, либо улыбнуться в ответ. И Ирина, разумеется, нахмурилась. Профессионально. Идеально.

— Вы опять здесь? — спросила она, не поднимая глаз от планшета, хотя прекрасно знала, что он стоит прямо перед стойкой. — У нас не клуб по интересам.

— А если у меня новый симптом? — невозможно ответил он, опираясь локтем на стойку так, будто это барная стойка в любимом кафе, а не граница между «стерильной зоной» и «всем остальным миром». — Сегодня утром я проснулся и понял: мне срочно нужно услышать, как вы говорите «это не повод для госпитализации». Это уже тянет на клиническую картину.

Ирина наконец подняла глаза. И тут же пожалела: в его взгляде было столько лёгкости, столько тепла, что оно, казалось, могло растопить даже этот больничный холод.

— У вас нет симптомов, которые требуют медицинского вмешательства.

— Зато есть симптом, который требует вашего внимания. Я слишком часто думаю о том, как вы хмуритесь. Это может быть опасно для психического здоровья.

Она хотела строго сказать «не шутите так», хотела напомнить про этику и границы, но вместо этого вдруг спросила:

— И что вы с этим делаете?

— Стараюсь компенсировать. Например, сегодня я три раза улыбнулся просто так. Один раз даже кошке в лифте. Она, кстати, не оценила. Видимо, у неё иммунитет к моему обаянию.

Ирина не выдержала и фыркнула. Тут же попыталась превратить это в кашель, но Лёха только усмехнулся:

— Я так и знал. Вы смеётесь. Значит, диагноз подтверждается: у вас есть чувство юмора, просто оно прячется за бейджем и правилами.

В этот момент из коридора донёсся голос старшей медсестры:

— Ирина, у нас пациент в третьей! Давление падает!

Ирина вздрогнула, мгновенно переключаясь в рабочий режим.

— Мне надо идти.

— Подождите, — тихо сказал он, и в его голосе вдруг не было ни шутки, ни поддразнивания, только что-то настоящее. — Просто... если вам там будет тяжело, помните: я тут. И если вдруг понадобится кто-то, кто просто посидит и не будет ничего требовать — я посижу.

Она замерла на секунду, потом кивнула, резко развернулась и ушла, оставив его одного у стойки. Но уже через пять минут, когда она мерила давление, слушала торопливый пульс и пыталась одновременно говорить спокойно и думать быстро, в голове у неё вдруг всплыло: «Я тут». И от этого стало чуть легче. Будто кто-то держал дверь открытой, чтобы она знала: есть куда вернуться.

Когда суета немного улеглась, Ирина вернулась в приёмное. Лёха всё ещё был там. Только теперь он не стоял у стойки, а сидел на краешке стула, листая какой-то старый журнал про автомобили. Но стоило ей появиться, как он тут же поднял глаза, и эта улыбка снова вспыхнула — как лампочка, которую включают специально для неё.

— Ну что, спасли мир? — спросил он.

— Пока только одну палату, — устало ответила она, присаживаясь на соседний стул. Всего на минуту. Просто чтобы перевести дух. — А вы всё ещё «болеете»?

— О, да. Симптомы усиливаются. Особенно когда вы устаёте. Тогда мне хочется сделать что-то глупое, чтобы вы хотя бы на секунду забыли, сколько всего на вас давит.

Ирина хотела сказать, что это не его забота, что у него нет на это прав, но вдруг поняла: ей не хочется, чтобы он переставал. Ей хочется этой нелепой, совершенно не по протоколу заботы.

— Например? — спросила она тихо.

Лёха задумался, потом достал из кармана маленький предмет и положил перед ней. Это был брелок — смешной, в виде крошечного робота, с облупившейся краской.

— Он мне достался ещё в детстве. Говорят, такие вещи приносят удачу. Или хотя бы напоминают, что где-то есть что-то простое и хорошее. Возьмите. Пусть лежит в кармане халата. Когда будет тяжело — потрогайте. И вспомните, что кто-то где-то думает о вас. Даже если этот кто-то вечно попадает в больницу без причины.

Ирина посмотрела на брелок, потом на него. И впервые не стала прятать улыбку.

— Вы невозможный пациент.

— Знаю. Но зато я единственный, кто приходит не за лечением, а за тем, чтобы увидеть, как вы на секунду становитесь не врачом, а просто человеком.

Она не ответила. Просто положила брелок в карман, чувствуя, как металл слегка холодит пальцы. И поняла: её пульс сегодня снова вне протокола. Но теперь она не хотела его возвращать в норму.

К концу смены Лёха ушёл, пообещав, что «завтра придумает новый симптом». Ирина только покачала головой, но в груди было тепло — такое, которое не измерить градусником и не описать в карточке.

А ночью, уже дома, она достала брелок из кармана, покрутила в пальцах и улыбнулась. И подумала: если это и болезнь — пусть она длится как можно дольше. Потому что впервые за долгое время ей стало не просто «нормально». Ей стало хорошо.

Глава 3. «История болезни: не поддаётся классификации»

Папка с документами лежала на столе, как улика. Тонкая, ничем не примечательная, с обычной синей обложкой и штампом приёмного отделения. Но для Ирины она вдруг стала чем-то большим — почти картой, по которой можно было пройти по следам Лёхи и найти объяснение тому, что с ней происходит.

Смена выдалась спокойной — настолько, что тишина казалась подозрительной. Обычно в такие моменты Ирина разбирала накопившиеся бумаги, закрывала хвосты, проверяла карточки, чтобы всё было идеально. Сегодня же она открыла папку Лёхи не ради порядка, а ради... чего? Попытки поймать логику там, где её не было.

Она вчитывалась в строки, будто между сухих формулировок мог прятаться какой-то тайный смысл. «Жалобы: ощущение избытка жизни». «Анамнез: склонен к иронии, устойчив к панике». Это писала не она — это была шутка дежурного врача, который принимал Лёху в первый раз. Но Ирина улыбнулась, сама того не замечая.

Дальше шли сухие данные: рост, вес, группа крови. Всё как у тысяч других пациентов. Но стоило ей дойти до графы «Подпись», как что-то внутри снова дрогнуло. Его почерк был небрежным, но уверенным — буквы будто торопились, но не теряли формы. В нём чувствовалась та же лёгкость, с которой Лёха говорил, двигался, смотрел на мир.

Ирина провела пальцем по линии подписи, тут же одёрнула руку, будто её поймали за чем-то запрещённым. «Что ты делаешь?» — строго спросила она себя. Но вопрос повис в воздухе без ответа.

Она перевернула страницу и замерла.

Между листами, почти незаметная, лежала маленькая записка — сложенный вчетверо клочок бумаги, вырванный, похоже, из какого-то блокнота. На нём было выведено тем же небрежным почерком: «Если вдруг станет слишком тихо — это я шепчу что-то глупое, чтобы вам не было одиноко. Не волнуйтесь, это не заразно. Ну, почти».

Ирина замерла, чувствуя, как сердце делает резкий, неровный удар. Он знал. Или догадывался. Или просто был таким — тем, кто оставляет маленькие якоря в чужом дне, чтобы никто не уплыл слишком далеко.

Она развернула записку, перечитала ещё раз, потом ещё. И вдруг поняла: она не ищет в этой папке диагноз. Она ищет оправдание тому, что её тянет к нему. Хочет найти строчку, где чёрным по белому будет написано: «Это нормально. Это можно. Это не ошибка».

Но в медицинской карте таких строк не бывает.

В этот момент дверь приоткрылась, и в проём просунулась знакомая улыбка.

— Я не мешаю? — спросил Лёха, осторожно заглядывая внутрь, как будто боялся спугнуть что-то хрупкое. — Просто подумал: вдруг вам опять нужно, чтобы кто-то нарушил тишину?

Ирина поспешно спрятала записку в карман халата, но он уже всё понял — по её глазам, по тому, как она чуть покраснела, по тому, как слишком быстро попыталась вернуть лицу профессиональное выражение.

— Вы опять здесь, — сказала она, стараясь звучать строго, но голос вышел чуть мягче, чем хотелось. — У вас что, абонемент на посещение приёмного?

— Почти, — он вошёл, но остановился у порога, будто давая ей пространство. — Сегодня без жалоб. Просто... захотелось убедиться, что вы здесь. Что всё в порядке.

— Со мной всё в порядке, — автоматически ответила она, а потом добавила тише: — Спасибо.

Он кивнул, будто это было самое важное, что он мог услышать.

— А можно я посижу тут? Не буду мешать. Просто посижу. Мне нравится, как тут пахнет. Антисептиком, бумагами, чем-то настоящим. Как будто здесь каждый день кто-то спасает мир по чуть-чуть.

Ирина хотела сказать, что это не место для посиделок, что есть правила, что пациенты не должны задерживаться без причины. Но вместо этого она кивнула.

— Только тихо.

— Обещаю. Буду тише тени. Ну, или почти.

Он сел на стул у стены, скрестил руки, откинулся назад и закрыл глаза, будто собирался вздремнуть. Но Ирина знала: он не спит. Он просто даёт ей возможность привыкнуть к тому, что он здесь. К тому, что его присутствие — это не нарушение, а часть её дня.

Она вернулась к папке, но теперь уже не искала диагноз. Теперь она просто чувствовала, как рядом сидит человек, который умеет делать обычное чуть менее обычным. Который прячет шутки в документах и приходит без жалоб, просто чтобы убедиться, что с ней всё в порядке.

И вдруг её осенило.

Её реакция на него не была ошибкой. Не была сбоем системы. Это была новая реальность — та, которую нельзя вписать в протокол, потому что для неё ещё не придумали терминов. Её сердце билось чаще не потому, что что-то сломалось. А потому, что что-то наконец заработало.

Лёха приоткрыл один глаз, поймал её взгляд и улыбнулся — тихо, без слов.

— Что-то нашли? — спросил он.

Ирина закрыла папку, положила её в сторону и впервые посмотрела на него не как на пациента, не как на нарушителя порядка, а как на человека, который стал частью её дней.

— Нашла, — ответила она. — То, что не поддаётся классификации.

Он хмыкнул, сел ровнее, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое, почти серьёзное.

— Значит, это что-то редкое. Редкое стоит беречь.

Ирина не ответила. Но в кармане халата она нащупала сложенную записку, коснулась пальцами края бумаги и улыбнулась. Совсем чуть-чуть — так, чтобы никто, кроме неё, этого не заметил.

А потом вернулась к работе. Но теперь в её движениях было что-то новое — лёгкость, будто вместе с его шуточками в отделение проникло немного воздуха, которого раньше не хватало.

К концу смены Лёха ушёл, пообещав, что завтра придумает что-нибудь новое. Ирина только покачала головой, но в груди было тепло — такое, которое не измерить ни тонометром, ни градусником, ни любой другой шкалой, придуманной для того, чтобы всё разложить по полочкам.

Потому что некоторые вещи не поддаются классификации. Их можно только почувствовать. И если повезёт — сохранить.

Глава 4. «Экстренный случай: сердце в свободном падении»

Ночная смена всегда была для Ирины испытанием на прочность — не из-за темноты, а из-за того, как в тишине больницы любая мелочь разрасталась до масштаба катастрофы. Каждый писк монитора звучал как сирена тревоги, каждый шаг по коридору отдавался в груди глухим эхом. Сегодня эта тишина рухнула в одну секунду.

Всё началось с резкого голоса диспетчера по внутренней связи:

— Приёмное! Экстренный! ДТП, множественные травмы, везём двоих! Состояние критическое!

И мир взорвался.

Сирены выли где-то совсем близко, потом ворвались в вестибюль, слились с топотом колёс каталки, с криками санитаров, с тяжёлым дыханием пострадавшего, которое звучало как мольба о помощи. Ирина сорвалась с места, мгновенно переключаясь в режим, где нет места эмоциям — только действия, только скорость, только точность.

— Давление? — выкрикнула она, натягивая перчатки.

— Падает! Восемьдесят на сорок и продолжает снижаться!

— Катетер, плазму, срочно!

Коридор превратился в водоворот: люди двигались, сталкивались плечами, выкрикивали команды, ловили взгляды друг друга, чтобы понять — успеваем ли? Ирина чувствовала, как её собственное сердце колотится где-то в горле, мешая говорить, сбивая ритм, заставляя сомневаться в каждом движении. «Только не паникуй, — повторяла она про себя. — Только не сейчас».

И вдруг среди этого хаоса она увидела его.

Лёха стоял у стены — не в центре событий, не мешая, не путаясь под ногами, но и не прячась. Он не должен был быть здесь: ночные часы, закрытый блок, строгий пропускной режим. Но он был. И смотрел прямо на неё.

Их взгляды встретились. На долю секунды весь шум будто приглушился, как если бы кто-то убавил громкость. И в этой короткой тишине он едва заметно кивнул — так уверенно, так спокойно, будто говорил: «Ты справишься. Ты знаешь, что делать».

Это было не слово. Это был якорь.

Ирина выдохнула, и паника, которая уже сжимала грудь ледяными пальцами, отступила на шаг. Она снова видела чётко: вены, катетер, цифры на мониторе. Снова могла дышать.

— Держим давление! — крикнула она. — Ещё плазму!

Через несколько минут пациента увезли в операционную. Вторая пострадавшая — молодая девушка — осталась в приёмном: у неё был шок, перелом, рваная рана, и она всё время шептала: «Где он? Где мой брат?» Ирина присела рядом, взяла её за руку, заговорила тихо, ровно, стараясь удержать не только её пульс, но и её разум.

— Он в операционной. Врачи делают всё возможное. Слышите меня? Вы в безопасности. Мы рядом.

Девушка цеплялась за её пальцы, дрожала, плакала, и Ирина чувствовала эту дрожь всем телом. Она знала: нельзя показывать слабость. Нельзя дать понять, что сама едва держится.

Когда суета немного улеглась, Ирина выпрямилась, сняла перчатки, провела ладонью по лицу, пытаясь стереть напряжение. И только тогда заметила, что Лёха всё ещё здесь. Он стоял у двери, держа в руках стаканчик с остывшим кофе, и смотрел на неё так, будто видел не уставшую врача, а человека, которому сейчас нужно просто знать, что он не один.

— Ты молодец, — тихо сказал он, подходя ближе, но не нарушая границы. — Ты была как шторм, который знает, куда дуть.

Ирина хотела ответить что-то строгое, напомнить, что пациентам не положено находиться в зоне экстренной помощи, но слова застряли в горле. Вместо этого она просто кивнула, чувствуя, как дрожат пальцы.

— Я думала, что сорвусь, — призналась она шёпотом, будто стыдясь этой слабости. — Там, посреди всего этого, я вдруг перестала понимать, что делаю.

— Но ты не сорвалась, — так же тихо ответил он. — Ты просто на секунду забыла, какая ты сильная. А я напомнил. Даже не словами — просто стоял тут. И думал: «Она справится». Иногда этого достаточно.

Она посмотрела на него — впервые без попытки спрятать эмоции, без брони из профессиональной выдержки. Увидела в его глазах не флирт, не шутку, не игру, а что-то глубокое, настоящее. Спокойствие, которое не наиграно, а выстроено из умения держать удар.

В коридоре стало тише. Сирены умолкли. Мониторы пищали ровно. Мир, который ещё минуту назад рушился, снова встал на место.

Они стояли друг напротив друга, и между ними повисла тишина — редкая, драгоценная, в которой не нужно было ничего объяснять. В этой тишине было слышно, как синхронно бьются их сердца: не в ритме паники, а в ритме облегчения. Два разных ритма, случайно совпавшие в одном мгновении.

— Ты не должен быть здесь, — сказала она наконец, но без укора. Просто как факт, который уже не имел значения.

— Знаю, — ответил он, чуть улыбнувшись. — Но если бы я был где-то ещё, я бы не смог видеть, как ты спасаешь мир. А это, пожалуй, самое важное, что я могу сегодня увидеть.

Ирина не стала спорить. Просто опустила плечи, позволяя напряжению уйти, и на секунду прислонилась к стене, будто ей вдруг понадобилась опора. И он понял это без слов. Не подошёл слишком близко, не обнял, не нарушил правила. Просто встал рядом — так, чтобы она чувствовала: он здесь. Не как пациент. Не как повод для нарушения протокола. А как тот, кто может удержать, когда земля уходит из-под ног.

К утру всё улеглось. Пациентов распределили, отчёты заполнили, коридоры снова стали тихими — но уже не пустыми. Ирина стояла у окна, глядя, как небо медленно светлеет, окрашивая город в серые и розовые тона. Лёха подошёл бесшумно, встал рядом, не касаясь, но так, что она чувствовала его тепло.

— Знаешь, что самое странное? — тихо сказала она, не отрывая взгляда от рассвета. — Когда всё рушилось, я не думала о протоколах. Я думала: «Если он здесь, значит, я справлюсь».

Он не стал шутить. Не стал прятать серьёзность за улыбкой. Просто кивнул и ответил:

— Значит, я буду здесь. Когда нужно. Даже если для этого придётся придумать новый симптом.

Она наконец улыбнулась — устало, искренне, без попытки спрятаться.

— Только не слишком часто, — прошептала она. — А то я привыкну.

— Привыкай, — тихо ответил он. — Иногда самое правильное — это привыкнуть к тому, кто держит тебя, когда всё летит кувырком.

Рассвет разливался по городу, заливая больничные коридоры мягким светом. Сирены молчали. Мир дышал ровно. А где-то внутри Ирины билось сердце — не по протоколу, не по норме, а по своему собственному ритму. И впервые она не хотела его выравнивать. Потому что этот ритм теперь был не сбоем. Он был ответом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.